

Посланник

МИД

книга вторая

Георгий Комиссаров

Георгий Комиссаров

Посланник МИД. Книга вторая

«Автор»

2023

Комиссаров Г.

Посланник МИД. Книга вторая / Г. Комиссаров — «Автор»,
2023

Грозные 30-е годы XX века. Сражения шли не только на полях, в море и в небе. Менее кровопролитные, но не менее решающие шли и в тиши кабинетов, на светских раутах и просто в непринуждённых беседах различных государственных деятелей с работниками дипломатических миссий всех стран и рангов. Именно там создавались и рушились союзы, коалиции, тайные сговоры и пакты. Именно так мир развивался по той исторической линии, которую потом все изучают и утверждают, что это закономерности. А на самом деле кто-то «просто» пролил стакан воды на важные документы или бокал с шампанским на платье жены всемогущего премьера... Вот про эти «случайности» мировой политической истории эта книга. И про её скромных героев, благодаря которым мы всё ещё живы. Это продолжение первой части.

© Комиссаров Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Вступление	5
Глава 1.	13
Глава 2.	22
Глава 3.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Комиссаров

Посланник МИД. Книга вторая

Вступление

4 часа 30 минут, 22 июня 1941 года, Берлин, посольство СССР

В полпредство СССР в Берлине как раз вернулся от Риббентропа взволнованный Деканозов и кратко сказал: «Война».

Затем он потребовал собрать всех посольских и торгпредских в главном зале посольства для общего заявления и инструктажа.

Я подошёл к первому секретарю нашего полпредства – товарищу Бережкову и попросил того рассказать, как всё было...

У меня с ним были очень хорошие отношения и он охотно поведал мне всё ... с самого начала...

Оказалось, что ещё утром 21 июня из Москвы сюда в полпредство пришла срочная телеграмма.

Видимо не особо полагаясь на личное послание Сталина Гитлеру, которое я доставил перед этим, Молотов поручил и нашему посольству сделать германскому правительству еще одно заявление, в котором предлагалось обсудить состояние советско-германских отношений.

В нём Советское правительство давало понять германскому правительству, что ему известно о концентрации немецких войск на советской границе и что военная авантюра может иметь опасные последствия.

Но содержание этой депеши говорило и о другом: в Москве еще надеялись на возможность предотвратить конфликт и были готовы вести переговоры по поводу создавшейся ситуации.

Посольство должно было немедленно передать германскому правительству упомянутое выше важное заявление.

Деканозов поручили именно Бережкову связаться с Вильгельмштрассе, где... как известно... в помпезном дворце времен Бисмарка помещалось министерство иностранных дел, и условиться о встрече представителей посольства с Риббентропом – министром иностранных дел Германии. Дежурный по секретариату министра ответил, что Риббентропа нет в городе. Звонок к первому заместителю министра, статс-секретарю барону фон Вейцеккеру, также не дал результатов.

Я это и сам знал, так как не смог накануне пол дня с ним лично встретиться... Бережков рассказывал, что проходил час за часом, а никого из ответственных лиц ему найти не удавалось.

Лишь к полудню объявился директор политического отдела министерства Верман. Но он только подтвердил, что ни Риббентропа, ни Вейцеккера в министерстве нет.

– Кажется, в ставке фюрера происходит какое-то важное совещание. По-видимому, все сейчас там, – пояснил Бережкову Верман. – Если у вас дело срочное, передайте мне, а я постараюсь связаться с руководством..., – предложил тот.

Бережков ответил ему, что это невозможно, так как послу поручено передать заявление лично министру, и попросил Вермана дать знать об этом Риббентропу...

– Дело, по которому мы добивались встречи с министром, товарищ Козырев, никак нельзя было доверить второстепенным чиновникам, – пояснил мне Бережков, видимо забыв, что я и сам всё это хорошо знаю...

Ведь речь шла о заявлении, в котором от германского правительства требовались объяснения в связи с концентрацией германских войск вдоль границ Советского Союза.

Из Москвы... пока была связь... в течении дня 21 июня несколько раз звонили по телефону. Посла торопили с выполнением поручения.

Но сколько Бережков и другие... в том числе и я... ни обращались в министерство иностранных дел Германии, ответ был все тот же: Риббентропа нет, и когда он будет, неизвестно. Он вне пределов досягаемости, и ему, дескать, даже не могли сообщить о нашем обращении.

Когда Бережков в очередной раз уже вечером позвонил в министерство иностранных дел, взявший трубку чиновник вежливо произнес стереотипную фразу: – Мне по-прежнему не удалось связаться с господином рейхсминистром. Но я помню о вашем обращении и принимаю меры...

На замечание Бережкова, что ему придется по-прежнему его беспокоить, поскольку речь идет о неотложном деле, его собеседник любезно ответил, что это нисколько того не утруждает, так как он будет дежурить в министерстве до утра.

Вновь и вновь звонил Бережков на Вильгельмштрассе, но безрезультатно... Внезапно в 3 часа ночи, или в 5 часов утра по московскому времени уже в воскресенье 22 июня, раздался телефонный звонок.

Какой-то незнакомый грубый голос сообщил ему, что рейхсминистр Иоахим фон Риббентроп ждет советских представителей в своем кабинете в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе.

– Уже от этого лающего чужого голоса, от чрезвычайно официальной фразеологии повеяло чем-то зловещим, – признался мне взволновано Бережков.

Но, отвечая тому, Бережков сделал вид, что речь идет о встрече с министром, которой советское посольство добивалось.

На что голос на другом конце провода сказал Бережкову: – Мне ничего не известно о вашем обращении... мне поручено лишь передать, что рейхсминистр Риббентроп просит, чтобы советские представители прибыли к нему немедленно.

– Личный автомобиль рейхсминистра уже находится у подъезда советского посольства. Министр надеется, что советские представители придут незамедлительно... – добавил грубо немец...

Бережков тут же доложил всё это полпреду Деканозову и они немедленно отправились в германский МИД.

Выйдя из ворот советского посольского особняка, они увидели у тротуара черный лимузин «мерседес».

За рулем сидел шофер в темном френче и в фуражке с большим лакированным козырьком. Рядом с ним восседал офицер из эсэсовской дивизии «Тотенкопф». Тулью его фуражки украшала эмблема – череп с перекрещенными костями.

На тротуаре, ожидая их, стоял в парадной форме чиновник протокольного отдела министерства иностранных дел.

Он с подчеркнутой вежливостью распахнул перед ними дверцу.

Посол и Бережков, который отправился с Деканозовым в качестве переводчика на эту ответственную беседу, сели на заднее сиденье, чиновник устроился на откидном стуле.

Машина помчалась по пустынной улице ещё дремлющего Берлина.

– Справа промелькнули Бранденбургские ворота. За ними восходящее солнце уже покрыло багрянцем свежую зелень Тиргартена. Все предвещало ясный солнечный день..., – передал Бережков мне свои ощущения в тот момент. Выехав на Вильгельмштрассе, они издали увидели толпу у здания министерства иностранных дел.

Хотя уже рассвело, подъезд МИДа с чугунным навесом был ярко освещен прожекторами. Вокруг суетились фоторепортеры, кинооператоры, журналисты.

Чиновник выскочил из машины первым и широко распахнул дверцу.

Они вышли, ослепленные светом юпитеров и вспышками магниевых ламп.

– В голове у меня тогда, товарищ Козырев, мелькнула тревожная мысль – неужели это война? Иначе нельзя было объяснить такое столпотворение на Вильгельмштрассе, да еще в ночное время?, – описал мой собеседник свои мысли в тот исторический момент.

Фоторепортеры и кинооператоры неотступно сопровождали их. Они то и дело забегали вперед, щелкали затворами, когда наши представители поднимались по устланной толстым ковром лестнице на второй этаж.

Там... как я и сам хорошо знал, в апартаменты министра вел длинный коридор. Вдоль него, по словам Бережкова, в их приезд, вытянувшись, стояли какие-то люди в форме.

При их появлении они гулко щелкали каблуками, поднимая вверх руку в фашистском приветствии.

Потом они повернули направо, в кабинет министра.

– Там... в глубине комнаты стоял письменный стол, – описывал кабинет Риббентропа Бережков. – В противоположном углу находился круглый стол, большую часть которого занимала грузная лампа под высоким абажуром. Вокруг в беспорядке стояло несколько кресел.

– Знакомая картина, – мелькнула у меня мысль.

Сначала зал кабинета показался Бережкову пустым. Только за письменным столом сидел Риббентроп в будничной серо-зеленой министерской форме. Оглянувшись, Бережков и Деканозов увидели в углу, справа от двери, группу нацистских чиновников.

Когда наши представители через всю комнату направились к Риббентропу, эти люди не двинулись с места. Они на протяжении всей беседы оставались там, на значительном от них расстоянии. По-видимому, они даже не слышали, что говорил Риббентроп... Так велик был этот старинный высокий зал, который должен был, по замыслу его хозяина, подчеркивать важность персоны гитлеровского министра иностранных дел.

Когда Деканозов и Бережков вплотную подошли к письменному столу, Риббентроп встал, молча кивнул головой, подал руку и пригласил пройти за ним в противоположный угол зала за круглый стол.

У Риббентропа, по словам Бережкова, было опухшее лицо пунцового цвета и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза.

– Он шел впереди нас, опустив голову и немного пошатываясь.

«Не пьян ли он?», – промелькнуло у меня в голове, – поделился своими со мною тогдашними мыслями Бережков.

После того как они уселись за круглый стол и Риббентроп начал говорить, его предположение подтвердилось.

– Он, видимо, действительно основательно выпил, – с возмущением сказал мне Бережков и продолжил рассказ...

Деканозов так и не смог изложить наше заявление, текст которого они захватили с собой.

Риббентроп, повысив голос, сказал, что сейчас речь пойдет совсем о другом. Спотыкаясь чуть ли не на каждом слове, он принялся довольно путано объяснять им, что германское правительство располагает данными относительно усиленной концентрации советских войск на германской границе.

Игнорируя тот факт, что на протяжении последних недель советское посольство по поручению Москвы неоднократно обращало внимание германской стороны на вопиющие случаи нарушения границы Советского Союза немецкими солдатами и самолетами, Риббентроп заявил, будто советские военнослужащие нарушали германскую границу и вторгались на германскую территорию, хотя таких фактов в действительности не было. Далее Риббентроп пояснил, что он кратко излагает содержание меморандума Гитлера, текст которого он тут же и вручил Деканозову.

Затем Риббентроп сказал, что создавшуюся ситуацию германское правительство рассматривает как угрозу для Германии в момент, когда та ведет не на жизнь, а на смерть войну с англо-саксами.

– Всё это, заявил Риббентроп, – расценивается германским правительством и лично фюрером как намерение Советского Союза нанести удар в спину немецкому народу. Фюрер не мог терпеть такой угрозы и решил принять меры для ограждения жизни и безопасности германской нации. Решение фюрера окончательное.

– Час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза, – взяв себя в руки, с трудом выдавил из себя Риббентроп.

Затем Риббентроп принялся уверять советских дипломатов, что эти действия Германии не являются агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями. После этого Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид.

Но его голосу явно не доставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу: – Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...

Деканозов и Бережков также встали. Разговор был окончен.

– Тогда, товарищ Козырев, мы узнали, что Вы были правы... и в тот момент снаряды уже рвались на нашей земле. После свершившегося разбойничьего нападения война была объявлена официально... Тут уж нельзя было ничего изменить, – сказал мне Бережков с ноткой извинения в мой адрес за недоверие и продолжил...

Прежде чем уйти, Деканозов сказал гневно Риббентропу: – Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...

На этом Деканозов и Бережков торжественно повернулись и направились к выходу.

– И тут произошло неожиданное..., – с иронией в голосе продолжил Бережков... – Риббентроп, семена, поспешил за ними. Он стал скороговоркой, шепотком уверять их, будто он лично был против этого решения фюрера.

И что он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать...

– «Передайте в Москве, что я был против нападения», – услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор..., – добавил со смешком Бережков.

– Как это похоже на моего знакомого..., – с сарказмом подумал я.

На улице, Деканозова и Бережкова встретила толпа репортеров, снова защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали кинокамеры... уже ярко светило над Берлином солнце.

Они подошли к черному лимузину, который все еще стоял у подъезда, ожидая их.

– По дороге в посольство мы молчали, – продолжал свой рассказ Бережков, – но моя мысль невольно возвращалась к сцене, только что разыгравшейся в кабинете нацистского министра.

– Почему он так нервничал, этот фашистский ублюдок, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью? Куда девалась свойственная ему наглая самоуверенность?

– Конечно, он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же что означали его последние слова? , – задавался вопросами Бережков, а я размышлял:

– Возможно, что у Риббентропа в тот роковой момент, когда он официально объявлял о решении, которое в конечном итоге приведёт к гибели гитлеровского рейха, возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие... И не потому ли он принял тогда лишнюю дозу спиртного?.. , – подумал я мрачно.

Поблагодарив Бережкова за информацию, я озаботился своими дальнейшими действиями.
– И так... помешать войне у меня не получилось... и что теперь делать?

– Война план покажет, – решил я.

Выглянув в окно, я заметил, что здание посольства уже усиленно охраняется. Вместо одного полицейского, обычно стоявшего у ворот, вдоль тротуара выстроилась теперь целая цепочка солдат в эсэсовской форме.

Связь посольства с внешним миром была прервана ... ни один телефон теперь не работал...

Деканозов заперся у секретчиков и составлял депешу в Москву...

В 6 часов утра по московскому времени все собрались у приемника, ожидая, что скажет Москва...

Но все наши станции передали сперва урок гимнастики, затем пионерскую зорьку и, наконец, последние известия, начинавшиеся, как обычно, вестями с полей и сообщениями о достижениях передовиков труда.

С недоумением всем думалось: неужели в Москве не знали, что уже несколько часов как началась война? А может быть, действия на границе расценены как пограничные стычки, хотя и более широкие по масштабу, чем те, какие происходили на протяжении последних недель?..

Пока народ был занят поиском ответов на эти вопросы я пробирался в кабинеты ответственных и чистил их сейфы от списков наших агентов и другой нежелательной информации... которую те не уничтожили, считая всё это паникёрством...

Надо сказать, что ни мои вчерашние предупреждения... ни сегодняшний свершившийся факт войны не производили того эффекта, на которое рассчитывало моё подсознание...

Я с этим уже несколько смирился... Вся советская пропаганда подготовила советских людей и не только... советских... к тому, что если Германия и нападёт... то образно говоря: «и Слава Богу»... «не мы агрессоры»...

Все были тут в полпредстве уверенны ... и даже наш военный атташе товарищ Тупиков... что «...мы через месяц будем в Берлине...»

Кстати... кто мне вчера поверил безоговорочно о нападении сегодня Германии на СССР был именно он...

– Товарищ Козырев, я и сам за три с половиной месяца послал в Москву до полусотни шифровок с предупреждением, – сказал он мне тогда. И добавил: – Правда сроки разные были... то 25-26 апреля..., то 15 мая... то вот 22 июня...

Затем он с боевым задором повесил в посольском зале для приёмов огромную карту Европы и стал всем охочим пояснять, как Красная Армия сейчас подходит уже к Варшаве и Кёнигсбергу... Добавляя, что командующий самым главным военным округом, а теперь фронтом – Западным, является легендарный испанский герой танкист – товарищ Павлов и он как даст немцам... из Белостокского выступа «... те в миг до Берлина откатятся»...

Я не стал ничего говорить паркетному стратегу, просто зная, что там происходит на самом деле...

С ним вступили в спор другие «кутузовы» и стали с энтузиазмом доказывать тому, что вначале наши будут изматывать немцев в предполье перед «линией Сталина», а только потом погонят до Берлина, а то и до Ла-Манша...

Где уже по дороге ... освобождая разные там Брюссели и Париж в придачу... Вот так начинался самый длинный день в году – 22 июня 1941 года в полпредстве СССР в Берлине... Никакого уныния и страха не было, все верили в нашу очень скорую Победу!

Поскольку телефонная связь по прежнему не восстанавливалась и позвонить в Москву не удавалось, то Деканозовым было решено отправить телеграфом его сообщение о разговоре с Риббентропом.

Шифрованную депешу вызвался отвезти на главный почтамт Берлина я сам на посольской машине с дипломатическим номером.

Это был наш громоздкий «ЗИС-101», который обычно использовался для поездок на официальные приемы.

А за одно нужно было позвать товарищей из торгпредства на собрание... Машина выехала из ворот, но тут же была остановлена и через 15 минут я возвратился в посольство пешком один.

Мне удалось вернуться лишь благодаря тому, что при мне была дипломатическая карточка.

Нас остановил какой-то патруль. Шофер и машина были взяты под арест...

В гараже посольства, помимо «зисов» и «эмков», был желтый малолитражный автомобиль «Опель-Олимпия».

Я решили воспользоваться им, чтобы, не привлекая внимания, добраться до почтамта и отправить телеграмму.

Эту маленькую операцию мы разработали тут же.

После того как я сел за руль, ворота распахнулись, и юркий «опель» на полном ходу выскочил на улицу.

Быстро оглянувшись, я вздохнул с облегчением: у здания посольства не было ни одной машины, а пешие эсэсовцы растерянно глядели мне вслед.

Как я и ожидал, телеграмму сразу сдать не удалось.

На главном берлинском почтамте все служащие с испуганными лицами стояли у репродуктора, откуда доносились истерические выкрики Геббельса.

Он говорил о том, что большевики готовили немцам удар в спину, а фюрер, решив двинуть войска на Советский Союз, тем самым спас германскую нацию. Я позвонил одному из чиновников и передал ему телеграмму.

Тот, посмотрев на адрес, воскликнул: – Да вы что, в Москву? Разве вы не слышали, что делается?..

Не вдаваясь в дискуссию, я попросил принять телеграмму и выписать квитанцию. Забегая вперед скажу, что вернувшись в Москву, Деканозов узнал, что эта телеграмма так и не была доставлена по назначению...

Возвращаясь с почтамта, я решил заехать в наше торгпредство... Оно находилось на Лиценбургерштрассе... Но меня к нему не пустили... Здание торгпредства было оцеплено и его уже захватило гестапо...

Я видел, как прямо на улицу полицейские выбрасывали папки с документами. Из верхнего окна здания валил черный дым. Там... как я позже узнал... шифровальщик торгпредства... геройский товарищ Лагутин, забаррикадировав дверь от ломившихся к нему эсэсовцев, сжигал шифры.

А когда штурмовикам удалось, наконец, взломать стальную дверь, Лагутин уже успел всё уничтожить. Задыхаясь от дыма, почти без сознания он лежал на полу.

Эсэсовцы его жестоко избили и уволокли в застенки. Только через несколько дней, по настоянию нашего посольства, он был доставлен туда весь в кровоподтеках...

Когда я, возвращаясь назад, повернул с Фридрихштрассе на Унтер ден Линден, то увидел, что около подъезда советского посольства уже стоят четыре машины защитного цвета.

– По-видимому, эсэсовцы уже сделали вывод из своей оплошности, – подумал я.

В самом посольстве было всё спокойно... На втором этаже несколько человек по-прежнему стояли у приемника. Но московское радио ни словом не упоминало о войне.

Я доложил Деканозову о выполненном задании и вручил ему квитанцию об отправке телеграммы. Он удовлетворенно кивнул на это, как чему то обычному...

Но затем его и товарища Бережкова я просто потряс своим сообщением о виденном мною варварском захвате нашего Торгпредства.

Тут сыграло то, что я внутренне был готов к такому развитию событий.

А им это всё казалось ужасным нарушением дипломатических и международных норм... как например захват наших диппредствительств в далёкие уже 20-е годы...

Они ещё раз переспросили меня: – Не путаю я чего ни будь?

Я был вынужден поклясться «памятью Ленина». Этой наивной клятве они поверили... Хотя и выглядели ошеломлёнными и смотрели не верящими глазами на меня...

Оставив их переваривать эту неожиданную для них новость, я, спустившись вниз, увидел из окна, как по тротуару пробегают мальчишки, размахивая экстренными выпусками газет.

Я вышел за ворота и, остановив одного из них, купил несколько изданий.

Там уже были напечатаны первые фотографии с фронта...

С болью в сердце мы все разглядывали наших советских бойцов... раненых, убитых... пленных...

В сводке германского командования сообщалось, что ночью немецкие самолеты бомбили Могилев, Львов, Ровно, Гродно и другие города.

Было видно, что гитлеровская пропаганда пытается создать впечатление, будто война эта будет короткой прогулкой... Снова и снова все мы подходим к радиоприемнику. А оттуда по-прежнему доносится народная музыка и марши.

И только лишь в 12 часов по московскому времени мы услышали заявление Советского правительства: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

«...Победа будет за нами... Наше дело правое...» – эти слова доносились с далекой Родины к нам, оказавшимся в самом логове врага.

Одновременно с этими важными для всех нас словами в посольство ворвались люди в штатском, а за ними маячили эсэсовцы...

На наши протесты никто из них внимания не обращал...

Один из них направился прямо ко мне и взяв меня под руку настойчиво потащил к выходу, говоря на ходу: – А с Вами герр Козырефф очень хочет увидится ваш друг...

Я счёл сопротивление бессмысленным и отправился покорно на встречу судьбе...

И уже буквально через пол часа я действительно встретился с моим... ещё со студенческой скамьи... другом – Вальтером Шелленбергом, а в данный момент одним из руководителей службы безопасности третьего Рейха...

Мог ли я подумать, что мой первый знакомый одгруппник, с которым я заговорил на первой лекции в Боннском университете в таком далёком 1930 году станет одним из главарей самого опасного врага моей Родины?

«Международный» вагон экспресса Москва – Берлин, июнь 1930 года.

Вот и граница...

Строгие красноармейцы – пограничники...

Те, что помоложе совсем волчатами смотрят.

Конечно, мы все для них либо буржуи – то есть враги... либо потенциальные перебежчики, предатели и будущие шпионы, что пока ещё ходят в «товарищах» – то есть тоже враги.

Те, что постарше, имеют взгляд иной... Пронзают им, как рентгеном... Спрашивая в мыслях: «А за того ли ты себя выдаёшь, как тут написано?»... Внимательно листая страницы паспортов и ища только им известные приметы их подделки. Но это я уже загнул... Что может быть известно этому парню о подделке американского паспорта? Да ровным счётом ничего!

Их и в Америке раз два и обчёлся! Нету в САСШ никаких паспортов! Как и регистрации с пропиской! Их специально делают, если тебе нужно покинуть территорию САСШ.

Именно по американскому паспорту я выезжал в Европу. Товарищ Адамс мне на прощанье сделал подарок... На сегодня это самый уважаемый проездной документ в мире. Проверить его подлинность вне САСШ практически невозможно. Даже отправив запрос в консульство.

Там единственное что смогут подтвердить, это то, что да... действительно выдан такой... тому то и тогда то... Ну может ещё и словесный портрет подтвердят.

Это уже если серьёзное расследование будет, то к запросу могут приложить и фото.

Ну вот своё любопытство «паря с рязани» удовлетворил и вернул мне красную книжицу.

Дежурное: «Счастливого пути» и пограннаряд прошёл дальше, а я снова растянулся на диване.

– Хорошо так путешествовать... одному в купе первого класса, – пронеслось у меня в голове.

Я сейчас ехал в Германию с намерением продолжить свою учёбу в каком ни будь престижном немецком университете.

К сожалению, советский диплом ещё долго не будет нигде особо котируются...

Ввиду уезда (в лучшем случае) основной массы профессуры.

Не согласна она была с большевистским переворотом и ... уехала.

А когда ещё университет «Красной профессуры» наклепает новых советских докторов и доцентов?

Так что поучился я год в Промакадемии и понял, что сам могу там преподавать!

Сдал экстерном все предметы и получил диплом об его окончании «с отличием».

Вот и родилась у меня в голове мысль податься на учёбу за границу.

Она... в смысле мысль... понравилась и товарищу Сталину и товарищу Артузову.

Для начала ... решили выбрать один из ВУЗов Германии...

Глава 1.

Бонн встретил меня дождиком... Что для этого города Германии вполне норма для лета. Почему Бонн?

Перед поездкой... мне, да и Сталину с Артузовым... было ясно одно – только не Берлин! Сейчас это был центр русской эмиграции. И мне там светится не было смысла. Да и острота момента начала спадать после блестящих операций ОГПУ по разрушению единства белого движения. Ареста Савинкова и других... Суда над эсэрами и другими заблудшими...

Поэтому с местом учёбы в Германии мне было поручено определиться самостоятельно.

Всё решил первый попавшийся мне приличный немец, которого я встретил в вагоне-ресторане.

Он сразу ответил, что лучший университет Германии находится в Бонне.

Я... признаюсь... такого города даже не знал...

Увидев моё недоумение? немец благодушно посвятил меня в предмет.

Город Бонн находится в немецкой земле Северный Рейн-Вестфалия, на реке Рейне рядом с Кёльном.

История Бонна начинается с римских времён.

Ещё в 11 году до нашей эры Бонн стал лагерем древнеримского войска и здесь была возведена крепость с названием Кастра Боннесия.

Видимо именно с того времени и происходит название города. А возможно, оно связано с названием местного германского племени эбуронов.

Позднее город был захвачен варварами и разрушен.

Но всё же некоторые части города уцелели как, например, Мюнстерская базилика.

В Бонне так же было найдено древнейшее в Рейн-Вестфалии упоминание о существовании этого города, датированное приблизительно 30 годом до нашей эры.

В конце 16 века город становится культурной резиденцией тогдашней Германии.

С того времени и до конца 18 века Бонн был резиденцией Кёльского архиепископа. Бонн почти пригород Кёльна.

В 1770 году в Бонне родился Людвиг ван Бетховен.

А через некоторое время там был основан и университет.

Зданием для главного учебного заведения города и послужила та самая резиденция курфюрстов.

А по итогам Венского конгресса в 1818 году, когда Бонн прочно вошёл состав Пруссии, прусский король Фридрих Вильгельм III назвал это учебное заведение – Рейнский университет, ставший шестым университетом в Пруссии.

Позднее университет стал неофициально называться «университетом принцев», поскольку многие отпрыски дома Гогенцоллернов обучались именно в этом университете.

В Боннском университете в разные годы учились такие великие люди, как Карл Маркс, Фридрих Ницше и будущий кайзер Вильгельм II.

– Ну про этого лучше не вспоминать... как впрочем и про отпрысков дома Гогенцоллернов... А вот про Карла Маркса это другое дело, – пронеслось у меня тогда в голове.

– Значит – Бонн, – решил я и вот я тут.

Университет нашёлся быстро, после того как я снял приличные для русского студента апартаменты.

Тут я решил фигурировать под своим настоящим именем. Ведь и диплом мне нужен настоящий!

А выезд из СССР по американскому паспорту был намеренным, с целью сбить со следа возможных преследователей. Хотя после разгрома оппозиции все они притихли и «легли на дно».

Для поступления я выбрал факультет «Экономики и права». С намерением стать дипломированным юристом-международником.

Поступление было чистой формальностью.

В Германии сейчас начал снова бушевать кризис. Который был спровоцирован кризисом в САСШ и Британии.

Поэтому под сокращения финансирования из бюджета первыми конечно попали высшие учебные заведения.

И это упростило задачу моего поступления, так как все иностранцы обучались за свой счёт, то им и был дан в этом году приоритет. А вот немцев-абитуриентов ждало ужесточение условий поступления. Брали не просто лучших из лучших, но ещё и платежеспособных.

Тут и на Родине происходили знаковые события.

С конца июня по средину июля в Москве проходил XVI съезд ВКП(б), ознаменовавшийся разгромом правой оппозиции и уже вошедший в историю как съезд развёрнутого наступления социализма. Уклонист Томский выведен из Политбюро. В состав Политбюро были избраны генеральный секретарь ВКП(б) товарищ Сталин, а также товарищи Климент Ворошилов, Лазарь Каганович, Михаил Калинин, Сергей Киров, Косиор, председатель ВСНХ СССР Куйбышев, Вячеслав Молотов, Алексей Рыков, Ян Рудзутак. Насчёт двух последних у меня что-то шевельнулось, типа «что они там не на долго».

Уже ведены в строй Челябинский тракторный и Стальсельмаш.

А из Рейнской области Германии, что тут рядом, выведены последние оккупационные войска Антанты.

В конце июля Максим Максимович Литвинов стал народным комиссаром иностранных дел СССР.

Я послал ему поздравительную телеграмму, назвав его «...неподражаемым артистом своего дела...». В ответ пришло короткое «Тронут». В этом был весь Максим Максимыч... – деловит, краток и ... скуп. Ведь слово «тронут» короче слова «спасибо» на одну букву! Ха-ха.

В Америке мне рассказали еврейский анекдот:

«Умер в Одессе еврей. Семья собралась на совет, как оповестить богатых родственников за океаном. Долго совещались и ругались, как передать трагическую новость и сильно не потратиться на телеграмме. В итоге в Нью-Йорке получили телеграмму из Одессы: «Изя всё».

А ещё через день в Одессу пришёл ответ от богатых евреев из САСШ: «Ой». Ха-ха-ха!

В своей первой речи Литвинов сказал: «...что его назначение ничего не меняет во внешней политике страны...». Это так. Но менялась сама обстановка. Прямо тут... в центре Европы... шёл пересмотр Версаля. Поднимал голову фашизм...

На парламентских выборах в Германии, прошедших в сентябре, победу одерживают социал-демократы, получившие 143 места.

Но второе место заняла национал-социалистическая рабочая партия Германии во главе с Гитлером! Получив 107 мест.

У коммунистов 77 мест.

У центристов 68 мест, у Национальной народной партии 41, у остальных партий 137 голосов.

Это было грандиозное поражение коммунистов и демократов.

И это не было случайностью. НСДАП провела довольно необычную и захватывающую предвыборную кампанию. Я как раз прибыл к её началу и мог воочию наблюдать, как нацисты воспользовались всеми доступными современными достижениями. Это были массовые митинги и демонстрации, где широко использовались электрические микрофоны, усилители

звука и огромные громкоговорители. Распространялись не только листовки и газеты, но и грам-пластинки с записями речей Гитлера и его приспешников. Тут были и древние ритуалы тевтоном. Различные ночные факельные шествия, освящения знамён и штандартов. Торжественный приём новых членов и награждения заслуженных наци. Надо отдать должное, что это всё оказало воздействие на публику. Особенно на молодёжь и ... женщин!

НСДАП провозглашало культ семьи и домашнего очага, а женщину превозносило как его хранительницу и ... арийский источник новых сыновей народа!

Это было потрясение для всего мира!

Но пришла и хорошая новость, – 15 сентября была отменена цензура в средствах массовой информации в Испании, что теперь позволяет свободно вести агитацию, требовать установления Республики.

– Развернутся там теперь мои испанские друзья, – мелькнула тогда у меня мысль.

А перед самым началом моих занятий на первом курсе университета пришла ещё одна хорошая новость, что Великобритания, под давлением народной армии Китая, возвратила Китаю военно-морскую базу в Вэйхайвей, что была «передана» ей под нажимом в аренду ещё в 1898 году.

Лето и сентябрь пролетели быстро...

Пока осваивался на новом месте, изучал город, совершенствовал язык и знание культуры и обычаев наступил и октябрь.

В Германии, как я сразу узнал, занятия начинаются в ВУЗах в октябре.

При подаче документов мне предложили... не терять времени... и поступить на двухмесячные подготовительные курсы при университете. По мнению доцента из приёмной комиссии это даст мне общее представление о системе образования в Германии и упростит вливание в учебный процесс. Я с ним был полностью согласен и вот сейчас... посещая первые занятия... я это воочию увидел.

Я выгодно отличался не только на фоне иностранцев, приехавших аккуратно к началу учёбы, но и на фоне самих немцев, которые не прошли эти курсы.

Как то так выходило, что я постоянно оказывался рядом с одним немецким парнем, приблизительно моего возраста, скромного и воспитанного.

Решив, что это неспроста, я с ним познакомился:

– Привет, меня зовут Серж, я из России, – обратился я к нему в перерыве.

– Привет, а я Вальтер... из Саара, – ответил тот, представившись довольно типичным для немцев именем. Ну конечно после Ганс, Клаус и Фриц конечно...

После занятий, в этот же день, мы с ним отправились в ближайший гапштет поужинать и выпить пива за знакомство.

С тех пор мы стали «не разлей вода».

Семестр шёл за семестром, год за годом...

За это время я узнал, что Вальтер, как и я (так я решил) родился в 1910 году.

В городе Саарбрюкене, что недалеко от Бонна на самой границе с Францией, в Саарской области, которая сейчас была под управлением Лиги Наций. Его отец владел фабрикой роялей и звали отца Гвидо Шелленберг.

У Вальтера была большая семья и кроме него было в ней ещё шестеро детей.

Со слов Вальтера, он ещё ребенком испытал на себе ужасы войны. Особенно запомнилась ему зима 1917 года... голодная и холодная... с массивными и жестокими бомбежками его родного города французами, в сочетании с болезнями его родни.

Когда война закончилась, его отец был арестован французскими оккупационными властями по надуманному поводу, связанному с политическим мотивом. Правда вскорости его отпустили...

Во времена этих испытаний, его мать, пытаясь обрести моральную стойкость, с еще большим рвением ударилась в католичество.

Это отразилось и на воспитании Вальтера, и на его духовном развитии в строгом христианском духе. Что... правда... послужило отходу его от католичества.

Здесь Вальтер вспоминал одно происшествие, сыгравшее большую роль в его решении отойти от католической церкви:

– Как-то на исповеди я признался священнику об одной своей мальчишеской проделке – запер младшего брата в чулане, когда тот втихаря там ел варенье... сваливая потом на меня...

– И вот... когда я об этом рассказал святому отцу... тот... в наказание стал бить меня своей палкой... за такую ерунду...

– Меня охватил гнев тогда и с тех пор я стал относиться к моему церковному воспитанию с большим отвращением...

– И уже тут... будучи студентом, я не вступил в общество студентов-католиков, – резюмировал мой друг Вальтер Шелленберг своё отношение к церкви.

По рассказам Вальтера, ещё в гимназии его тянуло к истории, благодаря их преподавателю, который сумел привить ему любовь и интерес к эпохе Возрождения и истории Нового времени.

С тех пор внимание Вальтера всегда привлекали история и культура Запада.

В 1923 году родители Вальтера, в результате войны оказавшись на грани выживания (впрочем, как и все немцы) переселились в Люксембург, где располагался филиал фабрики их отца.

А в прошлом 1929 году он начал учиться в этом университете ... правда сначала Вальтер поступил на медицинский факультет.

Но по настоянию отца, склонного к экономическим и гуманитарным наукам, Вальтер решил заняться изучением права.

Юридическое образование давало возможность сделать карьеру в области экономики или на дипломатическом поприще.

Больше всего Вальтер мечтал о дипломатической карьере в министерстве иностранных дел.

Так на это повлияла его жизнь в пограничной области, где с особенной остротой сталкивались политические устремления государств. Это и возбудило в Вальтере интерес к внешнеполитическим событиям.

Тем не менее, кроме самой учёбы и весёлого времяпрепровождения я выполнял и деликатные вещи по различным направлениям.

Первым таким важным делом стала Испания.

Наступил 1931 год...

В конце зимы из Испании пришли новости о победе республиканцев на муниципальных выборах... меня при этом как током пронзило: «Республиканская Испания», «Война в Испании», какой то «Франко», – замелькали мысли.

Поэтому в феврале, я на свой страх и риск, во время каникул, отправился в Испанию.

У меня были там кое какие связи по линии Коминтерна.

Я ещё слабо представлял, что я там смогу сделать. Но помощь мне оказала «Пассионария» Долорес, которая имела большой авторитет в компартии Испании.

Так вот... мой приезд туда ознаменовался провозглашением Второй Испанской республики.

После успеха республиканцев на муниципальных выборах, руководитель Революционного комитета в Мадриде – некий Нисето Алькала Самора, потребовал отречения Короля.

И Король Испании Альфонсо XIII бежал из страны во Францию, спасаясь от революции.

А этот Алькала Самора возглавил временное правительство испанской Республики.

Занятный тип... Родился в семье землевладельца. Получил юридическое образование в университетах Гранады и Мадрида. Преподавал право, получил известность как адвокат, судебный и политический оратор. – Были такие и в России. Тот же Родзянко с Керенским... – услужливо мне напомнила моя память.

С юных лет Алькала Самора был членом Либеральной партии. Позже работал в разных правительствах.

Избирался членом кортесов – так тут парламент зовут.

Был министром общественных работ, а потом первым гражданским военным министром в Испании.

Также являлся представителем Испании в Лиге Наций.

В Испании выступал как противник диктатуры генерала Primo de Rivera, в период правления которого он перестал быть сторонником монархии и стал умеренным республиканцем. – Ну да... как только от кормушки отлучили... сразу стал революционером, – мелькнула у меня мысль.

Вскоре после падения диктатуры, год назад, в апреле 1930 года, Алькала Самора произносит яркую антимонархическую речь в театре «Аполо де Валенсия», в которой он назвал себя сторонником «консервативной республики, основанной на поддержке среднего класса и интеллектуалов».

Затем он представлял консервативных республиканцев во время подписания «пакта Сан-Себастьяна», который объединял антимонархические силы.

Потом Алькала Самора возглавил исполнительный комитет республиканцев.

В декабре 1930 года им была организована попытка антимонархического военного переворота, предпринятая офицерами-республиканцами. В результате его неудачи... он, как и другие лидеры, был арестован.

Был приговорён к шести месяцам и одному дню лишения свободы. И тут... Король бежал... и Алькала Самора «весь в белом»... из тюрьмы... прямо в кресло премьера... Ха-ха-ха.

На одном светском рауте местный популярный писатель со смешным именем и фамилией – Пио Моа сказал, что «если республика и была установлена мирным путем, то не благодаря республиканцам, которые пытались установить ее в результате недавнего военного переворота, а благодаря монархистам, которые позволили республиканцам участвовать в выборах всего лишь четыре месяца спустя после неудавшегося выступления. И, несмотря на то, что эти выборы были муниципальными, а не парламентскими, ... монархия поспешила передать власть, отказываясь от насилия».

Тут я ему возразил:

– Здесь уважаемый Пио Моа «забывает», как «забывают» об этом нередко, когда речь заходит о начале Российской революции в феврале-марте 1917 года, что царь отдал власть не по доброте душевной, а оценив неблагоприятное соотношение сил, в ходе начавшихся в столице и других городах массовых революционных выступлений.

С этим моим доводом он вынужден был согласиться...

Конечно, они тут очень настроенно воспринимали меня в качестве спецпосланника НКВД СССР.

У Испании и СССР до сих пор не было дипломатических отношений.

Но «личное послание Сталина» к лидерам «республиканцев» вызвало потепление ко мне и к СССР.

Я, уже имея опыт общения с разного рода революционерами, призвал их к терпимости к непригодным ими классам, в особенности если те особо не сопротивляются.

А зная, что Испания является давним оплотом католицизма, я сделал акцент на недопустимости гонения на церковь.

Так же Испания была аграрной страной и резкие шаги в этой сфере тоже могли привести к ненужным волнениям и голоду.

Всё это я пояснял на печальных примерах из опыта нашей русской Революции.

Для сглаживания разногласий и недопущения эксцессов, я стал организатором встречи их местного кардинала – некоего Педро Сегура, с новым временным премьером.

Результатом было заявление церкви с поддержкой Второй Испанской республики и отказ от вмешательства в дела государства.

Так же церковь отдавала все свои земли безземельным крестьянам.

В основном своим же батракам и арендаторам. Но не в собственность, а в пользование. Контроль за целевым использованием её земли и уплату налога возлагался на церковь. Земля объявлялась «народной», но контроль оставался за бывшими её собственниками, которые становились пользователями и должны были платить налог на землю.

Купля-продажа сельхозугодий запрещалась. Крестьяне могли только объединяться, передавая свои наделы в кооперативы.

Это вызвало на местах небольшое количество эксцессов. В основном со стороны беднейших крестьян, которые планировали полученную землю продать... А так выходило, что либо ты на земле работаешь, либо у тебя её заберут и отдадут другому... более радивому хозяину.

Так же вводилось ограничение на обработку земли одним крестьянином, на наём рабочей силы. Повышались налоги для единоличников-кулаков и снижались для кооперативов.

Правительство обращалось к народу с воззванием о недопущении беспорядков и погромов домов помещиков и церквей.

Так как левые силы во временном правительстве пока были в меньшинстве, о никакой национализации пока речь не шла. Оно и к лучшему.

К моему огромному удивлению большинство у местных левых составляли махровые анархисты и троцкисты. Поэтому эксцессы были бы неизбежны и могли ввергнуть страну в хаос гражданской войны.

Именно с их стороны я больше всего подвергался нападкам во время своего вояжа по Испании.

Даже монархисты относились ко мне более лояльно, так как я высказался за гарантии безопасности их бежавшему Королю в обмен на поддержку Республики.

Как бы то ни было, но погромов церквей удалось избежать. А это не вызвало анафемы Папы и призыва к борьбе с Республикой.

Я тихонько выяснил, что никакой «войны в Испании» нет и мои страхи беспочвенны. Возможно моё вмешательство её «отменило»?

Так же я познакомился с генералом Франко. Он не вмешивался в политику, публично заявляя о своей нейтральности. А выступая перед слушателями Военной академии в Сарагосе он заявил, что «поскольку провозглашена республика и власть перешла к временному правительству, то все мы обязаны соблюдать дисциплину и сплотить свои ряды, с тем чтобы сохранить мир и помочь нации двинуться по верному пути».

Однако военная академия в Сарагосе, где он преподавал, была позже закрыта и я посоветовал временному премьеру Испании – Алькала Самора, с которым у меня сложились нормальные отношения, направить генерала Франко чем ни будь командовать... И его отправили командующим гарнизоном Болеарских островов.

Находясь в Испании, я невольно послужил причиной активизации Советско-Испанских отношений, которые до этого были на весьма низком уровне... Ограничиваясь экспортом советской нефти...

В Испании... в соответствии с королевским декретом 1927 года была создана государственная нефтяная монополия.

И тогда же... ещё при короле... были экспропрированы частные торговые предприятия, представлявшие американские (Standard Oil of New Jersey), англо-голландские (Royal Dutch Shell) и другие.

Все их функции были переданы испанской компании CAMPSA, созданной консорциумом банков.

Иноземные компании, пострадавшие от этого, сделали все возможное, чтобы саботировать эту новую испанскую нефтяную компанию.

CAMPSA была вынуждена увеличить закупки нефти в СССР, несмотря на то что тогдашнее правительство не симпатизировало стране Советов.

С 1926 по 1930 год доля советской нефти в испанском импорте выросла до 50%. Так Испания вышла на второе место в Европе по закупкам нефти в СССР, уступая только Италии, которая импортировала советскую нефть на более чем 50% своей потребности.

Так что экономическая основа двусторонних отношений была уже заложена. Дело осталось за малым... – заключить дипломатические отношения.

Я обо всём этом срочно информировал товарища Сталина по каналам Коминтерна. Где высказал своё мнение, что пора брать Испанию под свою опеку, пока тут всё не захватили анархисты и троцкисты.

Это был с моей стороны запрещённый приём. Так как я уже знал к этому времени, как резко изменился в худшую сторону настрой Сталина по отношению к Троцкому.

Так что буквально через пару часов со мною там в Мадриде связался наш полпред во Франции. Им к моему искреннему удивлению оказался мой знакомый, известный мне ещё по моим приключениям в Токио – товарищ Довгалецкий.

Видать надоели ему экзотические гейши, решил изменить им с нормальными парижскими проститутками из Муленружа, ха-ха.

Хотя к этому времени я уже знал о больших заслугах товарища Довгалецкого.

Он хорошо знал Францию, пребывая там в эмиграции с 1908 года по 1917-й.

В том же 1908-м году Довгалецкий стал членом РСДРП, а в 1915 году вступил даже во Французскую социалистическую партию.

В 1913 году окончил Электротехнический институт в Тулузе.

В июле 1917 года возвратился в Россию, в 1918 году вступил в Красную армию.

С 1919 по 1920 годы работал в наркомате путей сообщения РСФСР.

В 1920 году был членом Комиссии Совета Труда и Оборона РСФСР по восстановлению дорог Сибири и Урала.

Затем был послан на Украину..., где был инспектором связи и комиссаром инженерного управления в Киеве.

В 1921-1923 годах товарищ Довгалецкий был народным комиссаром почт и телеграфа РСФСР.

С образованием СССР... в период с 1923 по 1924 годы работал заместителем наркома почт и телеграфов уже всего СССР.

С 1924 года он на дипломатической работе. До 1927 года был полпредом СССР в Швеции. Где его сменила всем известная Коллонтай.

А вот с марта по октябрь 1927 года товарищ Довгалецкий был как раз полпредом СССР в Японии.

Его бросили закрывать «прорыв». Там была склока в советском представительстве и нужно было вопрос решать кардинально.

Видимо товарищ Довгалецкий справился, раз направили его в том же 1927 году работать в одну из самых ключевых стран мира – полпредом СССР во Франции.

И вот сейчас ему была поставлена главою НКВД СССР товарищем Литвиновым задача начать работу по линии дипломатии на установление связей с Испанией на уровне посольств.

Уполномоченный Нефтесиндиката СССР во Франции Михаил Островский был следующим, с кем я уже лично встретился, будучи проездом в Париже.

К моему сожалению... что по дороге в Испанию, что назад... у меня совершенно не было времени на осмотр этого чудесного города. Как и в прошлые мои разы его посещения.

Хотя после САСШ... особенно Нью-Йорка, меня мало что могло в Европе поразить.

Встретились мы с товарищем Островским в ресторане парижского железнодорожного вокзала. Как раз было время до отправки поезда Париж – Кёльн.

Он мне поведал о ходе переговоров и сложностях по заключению с Испанией нового договора на поставку нефти.

Обе стороны пытались договориться о заключении нового долгосрочного договора о поставках, но возник ряд трудностей. Подписывая двусторонние торговые договоры с иностранными государствами испанское правительство, стремилось компенсировать импорт и поэтому избегало платежей в валюте.

В нынешней ситуации мировой депрессии подобная практика была весьма распространенной.

Однако это не устраивало советскую сторону, которая, несмотря на экспорт большого количества золота, не располагала достаточным количеством валюты. Более того, в качестве предварительного шага к договору мы настаивали на установлении дипломатических отношений.

Примиришь политические и торговые интересы было нелегко, к тому же правые в Испании продолжали размахивать жупелом коммунистической угрозы.

Все это осложняло и без того осторожные контакты, которые осуществлялись за пределами Испании.

Цель нашей дипломатии была понятна... Но уже и испанские экспортеры стали все больше интересоваться возможностями, которые предоставлял советский рынок. Не только нефти.

И вот провозглашение Республики и приход к власти прогрессивных, в том числе и левых сил, сумел сдвинуть с мертвой точки вопрос об установлении дипотношений.

Тем более, что после такой сокрушительной победы нацистов на выборах в Германии в прошлом году, международная обстановка изменилась кардинальным образом.

Уже садясь в поезд, я узнал из экстренных выпусков парижских газет «об обмене нотами между правительствами СССР и Испании о составе посольств и консульств и о невмешательстве во внутренние дела».

– С другими вопросами можно и подождать до учреждения дипмиссий, – подумал я, прочитав это короткое сообщение. Тем более, что это распространённая практика в дипломатии.

Сталин в своей манере расхаживал по своему кремлёвскому кабинету с трубкой в руке и размышлял.

У него освободилась масса времени.

До этого, когда его интересовали только вопросы борьбы за власть, он занимался почти круглосуточным одним тайным делом... лично слушал разговоры членов Политбюро и ЦК, что те вели по своим телефонам, наивно полагая, что их не прослушивают.

Это заблуждение повелось ещё со времён Ленина. Когда правительство переехало из Питера в Москву и Ленин приказал установить в Кремле автоматическую телефонную станцию. Опасаясь прослушки разговоров членов революционной верхушки телефонистками.

Якобы в автоматической станции всё соединяют бездушные реле и никто уже не узнает секретов власти рабочих и крестьян.

Эту автоматическую телефонную станцию установил в Кремле чешский коммунист, имя которого история не сохранила... Сгинул он потом в революционном вихре.

А так как Сталин ещё не имел должного веса в 1923 году, когда его назначили генеральным секретарём ЦК ВКПб, как впрочем и сама эта техническая должность, то и кабинет ему в Кремле выделили рядом с этой автоматической телефонной станцией.

А так как АТС была немецкой, то есть очень качественной, то и не ломалась вовсе.

Поэтому техников-телефонистов сократили до минимума и переселили в подвал.

А комнаты, где размещались специалисты по её обслуживанию, отдали под нужды секретариата ЦК.

Таким образом в кабинете новоиспеченного генерального секретаря ЦК товарища Сталина оказался пульт управления АТС.

И вот однажды... при очередной подстройке АТС... Сталин обнаружил, что техник абсолютно свободно мог подключаться к любым линиям секретной правительственной АТС, именуемой уже «кремлёвской вертушкой» или просто «вертушкой», и никем незамеченным слушать разговоры абонентов.

Сталин не мог поверить своей удаче.

Перед этим он... честно говоря... затаил обиду на коменданта Кремля за такое унижение... и в мозгу строил коварные планы, как ему отомстить.

А теперь в том же мозгу он возносил осанну, как бывший семинарист, этому незадачливому служаке, что сам не зная того, дал в руки Сталина такое оружие.

И вот с тех пор он только и занят был тем, что слушал разговоры своих противников... и противников противников...

Это давало ему неоспоримые козыри...

Одно только предвидение, как будет голосовать большинство на очередном заседании Политбюро сделало ему славу «гениального провидца».

А всего то надо было знать настрой большинства и в самом конце обсуждения вопроса взять слово и сказать: «...правильно предлагает товарищ Бухарин... а то что... товарищ Каменев... это не пойдёт...».

Теперь слушать уже было некого... Да и не за чем...

Вернее... сохранять это в абсолютной тайне... Теперь этим занялся его доверенный зам – товарищ Каннер. Непревзойдённый спец по тайным делишкам.

– Как мастерски «вылечил» от язвы прямо на тот свет нашего «бонапарта» – Фрунзе?, – подумал Сталин и с удовольствием затыкнулся трубкой.

Затем его мысли переместились в другую сторону...

Он подошёл к своему столу, сел в кресло и ещё раз перечитал депеши и докладные по испанскому вопросу.

Если отбросить крайности, то снова этот Козырев подкинул им заманчивое дельце.

Надо же? На самом краю земли, а тоже своя революция случилась. Народ сбросил Царя! Или там Король? Неважно...

И это без всякого Коминтерна и миллионов золотых рублей, что ахнули, как в топку, при попытках революций ... прежде всего в Германии.

Нет... конечно испанские товарищи тут... в Коминтерне... довольно активны. Эта... как её...

Тут Сталин подсмотрел имя женщины-коммунистки из Испании.

– Пламенная «пассионария» Долорес..., – прошептал он, пробуя это словосочетание на вкус.

– Нужно срочно послать туда и проверенных товарищей и двигать официальные связи, – пришёл к выводу Сталин.

Глава 2.

Вернувшись назад к учёбе, я с интересом узнал о пропущенных мною событиях в Германии.

Оказалось, что тут был очередной провалившийся путч.

Внутри нацистского движения произошёл мятеж. Его поднял некий Вальтер Штеннес...

Мне всё об этом подробно рассказал мой друг Вальтер Шелленберг.

Он с некоторых пор стал проявлять интерес к делам вокруг НСДАП.

Впрочем, тут ничего неожиданного не было.

Это для меня они «исчадья ада», с моими смутными предчувствиями будущего.

А для всё большей части немцев их программа возврата Германии былого величия становилась всё более интересней.

Так вот, про этого Штеннеса мне Вальтер впервые поведал ещё осенью.

Когда мы разговорились с ним про прошедшие выборы и неожиданную победу на них НСДАП. Вернее то, что они тогда заняли второе место и взяли 107 мест в рейхстаге.

Этот Штеннес был монархистом, убеждённым сторонником сильной власти и Германской империи. Активно боролся со спартаковцами, участвовал в подавлении коммунистических восстаний и выступлений рабочих. Естественно, – ярый противник Версальского договора и участник борьбы против его выполнения.

Основатель штурмовых отрядов СА, и как он их рассматривал – «главную движущую силу новой народной революции и построения общества национального социализма в Германии».

Один из первых он открыто выступил против партийно-государственной политики Гитлера.

Всё дело в том, что накануне досрочных выборов в рейхстаг в сентябре прошлого 1930 года, в ходе агитационной кампании НСДАП, участие отрядов СА резко возросло.

Они представляли из себя группы опустившихся до крайней нужды молодых люмпенов.

Я и сам их с удивлением наблюдал на улицах Бонна и Кёльна.

Крайняя нужда выгоняла их тысячами по всей Германии на улицу, где они с запечатанными кружками обращались за помощью к сострадательной публике.

Я им так же подавал, не рассматривая в этом поддержку нацизма.

Так вот... со слов Вальтер... их и без того крайне бедственное финансовое положение ещё больше ухудшилось.

Участие штурмовиков СА по охране митингов и собраний НСДАП оплачивалось несвоевременно... их руководство вообще не получало никаких средств... партийные кассы были для них закрыты.

Штурмовики вообще редко получали денежное вознаграждение!

В основном они служили за еду и ночлег.

– И поэтому Вальтер Штеннес, будучи оберфюрером СА по восточным округам и Берлину, решительно выступил против «показной роскоши партийных бонз и византийского стиля руководства Гитлера», – повторил тогда мой друг Вальтер чьи-то слова.

– Штурмовики роптали не потому, что усомнились в подлинности социализма Гитлера, – продолжал свой рассказ Вальтер, – а против «бюрократизации партийного руководства, против зазнавшихся функционеров в партии и их выгодных синекур».

Да, в ходе предвыборной компании некоторые газеты писали о непомерном тщеславии и гордыне власти, и о личном честолюбии, которое демонстрировало руководство НСДАП.

Писали про то, что они наделили себя высокими окладами... совершали покупки дорогих автомобилей. А также приобрели летом 1930 года в Мюнхене целый дворец, уже получивший название «Коричневый дом».

На фешенебельное обустройство которого были потрачены огромные средства.

Конечно же это всё усилило брожения среди нищих и безработных, штурмовиков.

– Кроме того, руководители СА продолжали считать, что некоторые партийные бонзы сознательно принижают роль СА, для которых штурмовики представляют препятствие на пути к власти, – продолжил Вальтер рассказ.

– В качестве компенсации, командиры СА на встрече с Гитлером в августе 1930 года, выдвинули требование о включении своих кандидатов в предвыборные списки партии. Гитлер ответил отказом... мотивировав это невозможностью совмещения обязанностей депутата рейхстага и командованием в СА.

– Недовольных СА в Берлине возглавил Вальтер Штеннес, выдвинув своих кандидатов на депутатские места в рейхстаг и планируя смещение мюнхенского партийного руководства.

– После отказа Гитлера, командиры СА приняли решение полностью отказаться от предвыборной пропаганды и охраны партийных собраний. В ходе дальнейших переговоров между руководством НСДАП и СА обстановка накалилась до предела.

– Фактически речь шла о бунте штурмовых отрядов против НСДАП!, – резюмировал Вальтер.

Тогда я вспомнил, что читал в газетах, как в ночь с 30 на 31 августа 1930 года штурмовики СА штурмом захватили штаб-квартиру гауляйтера Берлина Геббельса и устроили там погром, закончившийся кровавой схваткой и перестрелкой с охранниками СС. Порядок удалось восстановить лишь с помощью вызванной полиции.

Оказывается, что это уже тогда было делом рук этого Штеннеса.

В газетах потом писали, что в Берлин... для ликвидации конфликта среди нацистов... срочно прибыл сам Гитлер, который лично провёл переговоры со Штеннесом, умоляя его не выходить из партии.

И как результат... 1 сентября 1930 года на общем собрании ... в присутствии более чем 4 тысяч штурмовиков было заключено перемирие, и Гитлер дал обещание удовлетворить основные требования СА.

Однако, как потом писали в газетах, почувствовав опасность, Гитлер немедленно сменил руководство СА, после чего все отряды штурмовиков принесли ему отдельно присягу на верность.

Таким образом, Гитлер тогда окончательно оформил своё единовластие в партии, объединив в одних руках гражданскую и военную власти.

Для укрепления своего положения Гитлер назначил начальником штаба СА -некоего Рёма, сделав его фактически руководителем СА. Тот был срочно вызван из Боливии, где служил военным инструктором.

– Рём, хоть и был участником легендарного «пивного путча» 1923 года ... и являлся старым приятелем Штеннеса... но не смог затмить его... – повторил чьи то слова Вальтер и добавил: – а как сказал Геббельс «... капитан Рём отличный парень, но до Штеннеса не дорос».

Мой друг Вальтер так же рассказал мне, что по словам людей из среды НСДАП, такой впечатляющий результат партии, полученный на сентябрьских парламентских выборах 1930 года, укрепил Гитлера в мысли, что к власти можно и надо приходить только легальным путём!

Однако его точку зрения не разделяли многие лидеры СА во главе со Штеннесом.

Сторонники революционного пути выступали против «изнеженности» и «обюрокрачивания» партии. Они терпеть не могли «жалкой болтовни о легальности», требовали активных действий и обвиняли руководство партии «в измене борьбы за идеалы».

К осени 1930 года отряды СА насчитывали уже по всей Германии около 60 тысяч членов.

Осознав себя значительной силой, они начали требовать от руководства НСДАП делиться с ними деньгами и властью.

Главным идеологом национал-народной революции стал Вальтер Штеннес.

Он рассматривал революцию, как единственно возможный способ прихода НСДАП к власти, а штурмовиков, как её передовой отряд.

Против этой позиции решительно выступали Гитлер и Геринг.

Я читал, как Гитлер по этому поводу высказался тогда в газетах:

«... тот, кто сегодня ведёт нас к открытой войне с государством, берёт на себя тяжкий грех... любого, кто пытается подстрекать совершенно безоружную организацию к актам насилия против нынешнего государства, я считаю глупцом, преступником или провокатором... я поклялся строго соблюдать легальную политику партии и не позволю никому нарушить эту клятву... и менее всего отставному капитану полиции Штеннесу».

А недавно конфликт Штеннеса с руководством партии принял новый оборот, – продолжил свой рассказ Вальтер, – Штеннес открыто выступил против приказа Гитлера, в котором тот требовал, чтобы берлинские отряды СА подчинялись указу правительства о введении чрезвычайного положения и воздерживались от участия в уличных столкновениях.

В связи с этим, Гитлер совместно с Рёмом приняли решение об отстранении Штеннеса от руководства СА.

На это Штеннес объявил Геббельса отстранённым от партийного руководства Берлина и заявил о своём разрыве с мюнхенским партийным руководством, как «не подлежащим исправлению» и провозгласил «истинно революционный» национал-социализм против «бюргерской забронзовелости» партийной организации.

Он прямо противопоставил себя Гитлеру.

По его приказу берлинская штаб-квартира партии и редакция газеты «Дер Ангрифф» были взяты штурмом его отрядами СА.

Занятые помещения были освобождены лишь берлинской полицией.

Затем Штеннес открыто выступил против Гитлера, обвинив его в расточительстве, надменности и чванстве, в предательстве социалистических идей, закреплённых в партийной программе НСДАП.

Газеты сейчас растиражировали его слова: «Что важнее: подмётки для сапог членов СА или дворец для партийных бонз?».

Они получили большой резонанс.

Но Штеннес сумел привлечь к открытому выступлению против Гитлера лишь треть берлинского отделения СА.

Фактически влияние Штеннеса распространилось главным образом в берлинском округе СА. В остальной Германии идеи Штеннеса не имели маломальского распространения в среде НСДАП.

За этим незамедлительно последовал приказ Гитлера о снятии Штеннеса с поста руководителя СА и исключении его из НСДАП.

Сейчас Штеннес был обвинён в геббельсовской газете «Дер Ангрифф» в сотрудничестве с тайной полицией, подтверждением чему послужили два письма Штеннеса, написанные им двум тайным членам НСДАП в рейхсвере и охранной полиции.

Как сейчас писали газеты, путч оказался неудачным, у Штеннеса не было серьёзной финансовой поддержки, и как следствие большая часть штурмовиков перешла на сторону Гитлера.

Как итог, Штеннес был арестован и брошен в тюрьму.

Выслушав Вальтера, почитав газеты и вспомнив кое что из прошлогодних событий, я пришёл к выводу, что этот Штеннес опасный тип. Гораздо опаснее всех в нынешней верхушке нацистов.

Так мне что-то подсказывало и я решил... помочь этому Штеннесу!

Вальтер горячо поддержал мою идею и после многодневного обсуждения мы решили обратиться с этим к ... Герману Герингу.

За это время... Вальтер осторожно узнал у своих знакомых из НСДАП историю создания СА, выдавая это естественным своим любопытством.

И вот ему удалось узнать, что Герман Геринг – видный деятель и депутат от НСДАП в рейхстаге, также стоявший у истоков создания СА, обязан жизнью... Штеннесу!

Когда Геринг, лётчик-герой войны, в ноябре 1922 года встретился с Адольфом Гитлером, то тут же стал активно участвовать в нацистском движении, став членом НСДАП. В январе 1923 года Гитлер назначил его верховным руководителем СА.

Будучи героем-фронтовиком, и одним из создателей СА, Геринг руководил их превращением в мощную военизированную силу вместе с другим фронтовиком – Штеннесом.

В то же время у Геринга возникли натянутые отношения с другим руководителем СА Им оказался тот самый – Эрнст Рём.

Так же Геринг участвовал в «Пивном путче» 9 ноября 1923 года, во время которого шёл рядом с Гитлером и прикрыл того от пуль полиции.

При этом сам Геринг был тяжело ранен.

И именно Штеннес дотащил раненого Германа до надёжного убежища, спасая того от смерти и полиции. А затем... в тяжёлом состоянии... вместе с женой Геринга... вывез их нелегально в Австрию для лечения.

Поэтому мы с Вальтером пришли к выводу, что Геринг не откажет другу в помощи.

А я уже соображал куда потом пристроить с пользой такого незаурядного человека.

В Берлине, куда мы отправились на следующий день, Германа Геринга нашли довольно легко – в рейхстаге.

И так же без проблем попали к нему на приём, представившись сочувствующими НСДАП студентами.

При этом предварительно договорившись с Вальтером, что я тоже немец... из Литвы. Поэтому и имя Серж и фамилия Козырёфф. Ну это если спросят.

Разговоры, что верхушка НСДАП погрязла в роскоши, оказались правдой.

На Геринге был полувоенные мундир, весь шит золотом. Я подозреваю, что и пуговицы тоже были золотыми.

Кабинет весь просто сверкал, как гнездо вороны-воровки от золотых и просто блестящих предметов, сташенных сюда со всех концов Света.

Сам хозяин был грузным и не вызывал ассоциаций ни с фронтовиком, ни тем более с лётчиком-ассом, как его преподносила нацистская пресса.

Вот по поводу него, мне весьма сложно было сдерживать неприязнь. И видимо это каким то образом у меня отразилось на лице, так как Геринг прервал свою дежурную тираду-заготовку для таких вот случаев и заговорил по-другому.

– Вот... сразу вижу юристов... Раскусили меня...

– Всё это..., – обвёл Геринг небрежно рукой, – для западной прогнившей дипломатии и прессы...

– А для своих комрадов, я всё такой же «старина-Герман»...

Тут выручил меня Вальтер...

Он вскочил и подобострастно взметнув руку в гитлеровском приветствии крикнул: «Хайль Гитлер!».

Мне ничего не оставалось, как повторить. А в голове всплыла странная фраза «... ещё никогда Штирлиц не был так близок к провалу...».

– Что за Штирлиц? Какой провал?, – мелькнуло у меня.

А тем временем Геринг, широко улыбнувшись, вальяжно махнул ладонью на уровне плеча вверх и просто ответил: «Хайль».

Тут нам подали чай в роскошных... видимо китайских... фарфоровых чашках и кое-какие закуски.

И вот... расположившись за удобным столиком, мы поведали Герингу настоящую цель своего визита.

Он внимательно выслушал нас, хмурясь при этом, потом буркнул что-то себе под нос. Я еле расслышал: «...говорил ему... что так кончится...».

Потом в молчании мы допили чай и прощаясь, стали двигаться к выходу.

Не доходя шага до закрытых дверей, Геринг неожиданно проворно для его полноты нас нагнал и тихо спросил: «Вы где остановились?».

Мы с Вальтером посмотрели друг на друга, так как «ни где» мы ещё не останавливались и вообще планировали уехать назад в Бонн вечерним поездом.

Геринг всё правильно понял и незаметно, как бы прощаясь, сунул мне в ладонь картонку.

Затем распахнул дверь в приёмную и играя на публику, разразился очередной банальщиной «о великом будущем Германии под руководством национал-социализма».

Мы быстро прошмыгнули мимо немногих ожидавших посетителей, и не помня себя оказались на улице перед рейхстагом, переводя дух.

– Ну, что там? – с нетерпением спросил Вальтер, кивая на мою сжатую руку.

Я честно говоря и забыл уже про передачу Геринга.

Разжав кулак, мы обнаружили на моей ладони чистый бланк визитки, где был вписан какой то адрес. Улица, дом и квартира.

Куда мы и направились...

Даже не задумываясь, что это может быть не в Берлине.

Конечно, без помощи справочного бюро и карты города мы вряд ли с этим заданием справились бы. Столица Германии была одной из самых больших в Европе.

Но как бы то ни было, в одном из рабочих кварталов искомый адрес мы нашли.

Консьерж дома без лишних слов в обмен на визитку с адресом дал нам ключ.

Квартира была типичной «явочной», для тайных встреч.

Но тем не менее, три её комнаты, прихожая, кухня, и ванна с туалетом были оборудованы всем необходимым и полностью меблированы. Даже была посуда и запас еды... как в буфете, так и в холодильнике – предмете мечтаний хозяек всего мира.

Приготовив себе кофе, мы с Вальтером принялись ждать. Разумно рассудив, что сейчас кто-то должен сюда прийти. Скорее всего сам Геринг...

Но мы ошиблись. Когда в дверь позвонили, и я метнулся её открывать, то единственное, что я обнаружил, так это конверт на коврике перед ней. Даже шагов не было слышно того, кто его подложил и позвонил в звонок.

Там была короткая записка.

В ней говорилось, что мы можем переночевать в этой квартире и пользоваться всем, что тут есть. А так-же... нам предлагалось... для известного нам дела... быть ровно в одиннадцать вечера на углу улиц у главного входа в Шарите.

Я понятия не имел, что это за «шарите»? Но Вальтер заверил меня, что знает где это.

Далее в записке говорилось, что мы должны будем без промедлений сесть в подъехавший к нам там чёрный Мерседес.

Вечером мы воспользовались знаменитым берлинским метро, которое довезло нас почти до нужного нам места. Станция так и называлась «клиника Шарите».

Метро Берлина на меня произвело хорошее впечатление своей чистотой. Ни в Нью-Йорке, ни в Париже и ни в Лондоне такого не было.

Более того... В парижском метро можно было справить нужду прямо под стенкой. Женщины налево, мужчины направо.

Как и было условлено... в одиннадцать к нам подъехал чёрный Мерседес и мы проворно... без всякой задней мысли о засаде или ловушке... туда запрыгнули.

Там был за стеклянной перегородкой только водитель.

Сорвавшись с места, мы около часа носились по ночному городу.

Это было захватывающее зрелище, особенно для моего друга из провинции.

Мне тоже приходилось играть роль и восторгаться огнями ночного Берлина. Хотя... повторяюсь... после Америки... меня тяжело было чем то удивить.

И вот... после очередного крутого поворота, с визгом... наша машина юркнула в подворотню и остановилась там в глубине городского «колодца», а шофёр сразу же погасил фары и внутренний свет в салоне.

Посидев так в крошечной темноте около десяти минут, водитель вышел и открыл нашу дверцу и махнул молча рукой в сторону неприметной и обшарпанной двери.

Мы это поняли, как знак к действию и быстро покинув авто, побежали в указанном направлении.

Не успели мы сообразить, что нам делать дальше, как одновременно с отъездом машины распахнулась и дверь. Из темноты нам приказали следовать за проводником.

Потом после нескольких поворотов в полутьме, которая всё больше просвещалась, мы вышли в богато украшенный зал, больше похожий на вальсете.

Там была сцена, столики, и даже ложа с отдельными кабинетами.

Как я понял... имея опыт жизни в САСШ... с их подпольными казино и барами... это было наподобие тех... и вот-вот скоро оно наполнится посетителями и начнётся веселье.

Тут нас встречал вполне себе обычный официант и уже он провёл нас в один из закрытых кабинетов.

Там мы и обнаружили Германа Геринга в обществе трёх ярко наряженных смазливых девиц неопределённого возраста, что выдавало в них актрис. Все они мне были смутно знакомы... Потом моя догадка подтвердилась. Это были известные киноактрисы Германии. И конечно же я видел их раньше в кино.

Тут Геринг чувствовал себя более раскованно и с порога предложил нам выпить за своего друга и спасителя Вальтера. Так как фамилия Штеннес произнесена им не была, мы сделали вывод, что и нам не следует её называть.

Потом было обычное время препровождение...

То есть... питье и закусывание... Просмотр развлекательной программы местного кабаре и танцы под джазовый оркестр, где были даже негры. Что меня весьма озадачило, зная нелюбовь нацистов к ним.

Между всем этим... Геринг отчего то именно мне изложил свой план спасения «друга Вальтера»... Видимо моему другу, тоже Вальтеру, он пока не доверял... К тому же... тот уже изрядно напился... на дурняк...ха-ха.

Проснулся я на другой день в роскошной кровати... Рядом со мною лежала... разметавшись... обнажённая мечта всех мужчин Германии и не только – Ольга Чехова, как она вчера мне представилась.

А в голове закола мысль «что я вчера ей наговорил?».

Если сейчас заговорит со мною по-русски... То всё... Я посланник НКВД Козырев, а если по-немецки – то я ...

Тут оно заморгала, открыла свои пронзительные голубые глаза, посмотрела на меня и с укоризной сказала на чистом русском языке:

– Серж, не врите больше никому, что Вы русский...

Я выпал в полный осадок...

А она, смеясь продолжила:

– Ну или говорите всем ... как я... что мама и папа немцы, а родились и выросли в Российской Империи, например в Вильно...

Видя моё замешательство, добавила:

– Я так вообще... в забытом Богом закавказском армянском ауле родилась...

Тут я уже взял себя в руки и принялся отрабатывать оказанную мне честь за всех немецких парней и даже подростков...

В промежутках... она вкратце рассказала мне свою биографию.

Её родители были обрусевшими немцами. Ещё её дед – инженер-строитель по фамилии Книппер, приехал с семьёй в Россию в начале XIX века из Вестфалии.

С детства Ольга интересовалась театром. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, родители отправили её в Москву, к любимой тёте Оле, родной сестре отца – Книппер-Чеховой.

Тётя определила любимую племянницу в студию при Художественном театре, в котором сама играла уже несколько лет.

Там Ольга влюбилась в Михаила Чехова – племянника знаменитого русского писателя.

Михаил подавал большие надежды... и всеми считался восходящей звездой МХАТа.

Они поженились и через полтора года у них родилась дочь. А ещё спустя два года Ольга и Михаил ... развелись. О причинах Ольга умолчала...

В 1920 году Ольга, которая взяла фамилию мужа и стала – Чехова, уехала из России в Германию.

А ещё через год... в 1921 году Оля дебютировала в немецком кино в фильме «Замок Фогелёд».

В 1929 году она уже в качестве режиссёра сняла свой фильм «Шут своей любви», главную роль в котором исполнил её бывший муж – Михаил Чехов, также решивший не возвращаться в Советскую Россию.

И вот... как я уже знал... к началу 1930-х годов Ольга Чехова стала настоящей звездой немецкого кино. В 1930 году она получила немецкое гражданство...

Затем... встретившись на конспиративной квартире с Вальтером... который тоже провёл ночь не один..., я ему изложил план Геринга.

Нам в нём отводилась роль статистов и курьеров.

То есть ... прибыть к нужному чиновнику... сказать кодовое слово... выполнить всё, что тот скажет... Встретить из тюрьмы Штеннеса и по подложным документам вывезти его за пределы Германии, а по возможности и Европы с Ближним Востоком и Северной Африкой вместе взятыми.

Это как никогда совпадало и с моими планами.

Я уже связался с китайскими товарищами и они с радостью согласились принять к себе на службу такого опытного фронтовика. Тем более, что как я и сам знал, у них давно работали немецкие военные советники во главе с известным генералом фон Сектом. Последний был ярым сторонником союза Германии с СССР и Китаем.

Так всё и произошло...

Штеннес был подавлен и не выказывал никаких эмоций, когда мы его сопроводили на советский сухогруз в порту Гамбурга.

Капитан был предупреждён. Корабль шёл с грузом механизмов прямо в Шанхай.

Там китайские товарищи и должны были встретить неудавшегося фюрера германской нации.

– Лучше пусть тут будет фюрером этот недоношенный Шикльгрубер, чем хладнокровный и авторитетный фронтовик, – решил я, вздохнув с облегчением, когда судно отчалило.

Артузов был несколько озадачен последним отчётом Сергея.

Он не предполагал, что тому удастся за такое короткое время выйти на «наци №2», да ещё и сойтись с его... Артузова... личным агентом «глубокого залегания». Имя которого, он даже сам в уме не произносил. Настолько это была многоходовая и тайная операция по его внедрению. Начинаясь она... как всегда... с целью проникновения в эмигрантские круги в Берлине... но затем приобрела совсем другой статус и направленность. А именно... внедрение в окружение высшего руководства НСДАП и крупного германского капитала и промышленников.

Со Штеннесом тоже удачно вышло...

Нам такие люди нужны... на будущее. Самого его использовать нельзя... Но связи в СА, СС и НСДАП наверняка можно. Да и его знания верхушки рейхсвера тоже многого стоят.

Конечно, пока отношения СССР и «Веймарской Германии» более чем дружественные...

Мы помогаем им создавать запрещённое Версальским договором оружие – прежде всего танки в Саратове и самолёты в Липецке. Готовим кадры и специалистов...

Кстати, в Липецке в секретной немецкой авиашколе и была первая попытка вербовки Геринга.

Не было никаких сомнений, что его ждёт большое будущее в Германии. Он герой войны, лётчик-ас!

На хорошем счету у верхушки рейхсвера. Те его подвели к Гитлеру. Он вошёл к нему в доверие, защитив от пули.

И тут всё было хорошо... И девушку нашу он ... полюбил или сильно привязался...

Но в Германию с собою не взял...

Даже не смотря на беременность той.

Срочный вызов в фатерлянд и всё!

Письма с оказиями передаёт... как и помощь... весьма щедрую.

Купил той дом в Липецке... платит что-то типа алиментов, шлёт игрушки ребёнку...

Обещает приехать... Но не едет!

Мы конечно там всё вокруг «дамы сердца Геринга» холим и лелеем...

Не даём барышню в обиду. С домом помогли, с работой и яслями для ребёнка...

Это всё на будущее...

Сергею конечно пришлось внушить, что он обязан при установлении контакта с кем либо, получать разрешение у Центра.

Но зная Сергея, вряд ли он этим будет руководствоваться.

Да Артузов и сам знал, что это сложно соблюсти.

Хотя для порядка и самодисциплины необходимо.

А тут ещё и новое направление открылось – Испания!

Кто мог подумать, что там будет мирная революция?

Сбросят царя или у них король? и создадут правительство с левым большинством.

Хотя это ничего не значит. В Германии и в Англии были уже и парламенты и правительства с большинством из трудовиков и социал-демократов. И что?

В Англии как правила королева, так и правит. А в Германии тоже никаких перемен, хоть и сбросили они своего кайзера больше десяти лет назад!

Хотя по сообщениям и Сергея и из других источников, в Испании всё намного серьёзнее. Землю уже делят во всю. Но с учётом наших ошибок. Сразу пытаются создавать сельхоз-кооперативы. С национализацией и отказом от долгов тоже не спешат.

У нас тут тоже поняли, что поторопились.

Почти на каждом заседании Политбюро вопрос о признании долгов стоит и о концессиях. Это Артузову докладывают его осведомители из секретариата ЦК.

И каждый раз всё упирается в прошлые громкие заявления об отказе. Но как ему известно, в частном порядке вопросы решаются. И концессии учреждаются и долги частично признаются.

Так что в Испании будет в ближайшее время весьма интересно.

Он сразу туда послал специалистов по предотвращению и раскрытию монархистских заговоров. Считая их самым опасным делом для дела революции в Испании. Возглавит их там его бывший зам – Сыроежкин.

То, что там всё мирно пока и король сам тихо удрал... ничего не значит. Скорее всего в среде монархистов и военных заговор уже тлеет.

По линии РККА послали туда революционных командиров и комиссаров. Пусть там укрепят красную гвардию испанского пролетариата. Пусть приникаю в военную среду.

Идею с политкомиссарами уже реализуют там испанские товарищи своими силами. Она хорошо себя зарекомендовала во время гражданской тут у нас. Там нужен хорошо повешенный язык... испанский.

Конечно, наличие комиссаров не всегда спасало от предательства царских военспецов, но без последних и РККА сейчас бы не было!

– Ну, а в общем, идея послать Сергея учиться в Германию уже окупилась трижды, – похвалил себя товарищ Артузов, забыв уже, что это Козырев ему незаметно её подсказал.

Глава 3.

Это «героическое» дело по спасению Штеннеса ещё больше сблизило меня с Вальтером Шеленнбергом.

Правда его несколько смущал тот факт, что я русский, и стало быть не могу быть членом НСДАП, куда его очень влекло.

Но по совету Ольги Чеховой, я ему рассказал «тайну своего происхождения». Ну ту, что до детдома. Там можно было врать, что ты хоть сам «незаконнорожденный» сын самого Людендорфа или потомок Бисмарка. Главное – что я тоже немец, но не по документам!

За несколько дней скитаний по тайным квартирам Германии я подружился и со Штеннесом.

Хотя... скорее всего... тому просто был нужен слушатель.

Он мне поведал много чего интересного ... в том числе кое что и из недавнего прошлого Адольфа Гитлера.

Гитлер, говорил Штеннес, рассказывает всем, что пошёл в политику сразу же после начала Ноябрьской революции 1918 года в Германии.

Однако, как говорили его сослуживцы, он еще многие месяцы после ее начала болтался по баварским казармам. Ему было тогда 30 лет, и он был далек от всякой политики.

Выписавшись из госпиталя, и не имея никакого пристанища и занятия, он вернулся в свою мюнхенскую казарму.

У него не было ни семьи, ни родных, ни друзей, ни какой-либо профессии.

Гитлер никогда в жизни не занимался каким-либо постоянным делом.

Ещё до войны, он жил впроголодь, пустив по ветру перед этим отцовское наследство и все, что досталось ему от матери.

Тогда он подъедался рисование картинок с видами достопримечательностей Вены.

Но теперь, в атмосфере угара революционного переворота, его рисунки с видами были никому не нужны. И с этого ремесла было уже не прожить.

И Гитлер не без оснований боялся, как бы после увольнения из армии, снова ему не оказаться на улице без всяких средств. Он об этом своём страхе рассказывал своим сослуживцам и соседям по казарме.

Его весьма страшило очутиться опять в ночлежке, обреченным на жалкое существование, как это уже было с ним всего-то десять лет назад в Вене. И чтобы не быть выброшенным на улицу, он послушно тянул ляжку, неся охранную и внутреннюю службу. Сначала в лагере для военнопленных, а потом и в своем прежнем полку.

Все те, кто тогда знали Гитлера, в один голос утверждают, что ефрейтор, сидя за казарменными стенами, был занят только планами собственной дальнейшей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.